

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ

Л. И. Миссонова

ВИЗУАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ ТОРГОВО-ОБМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В XVIII–XXI вв.

АННОТАЦИЯ. Рассматривается искусство тунгусо-маньчжурских народов Дальнего Востока (на примере уильта и эвенков Сахалина): от искусства как эмоционального источника информации о движении (движущей силы кочевников) и торгово-обменных отношений до искусства как предмета товара. С XVIII — начала XIX в. между Китаем, Россией и Японией интенсивно развивается торговый обмен, в котором непосредственно задействованы товары китайцев, маньчжуров, народов Нижнего Амура, Сахалина и японцев. Туземные рынки и иные отношения обмена наглядно отражены в искусстве. Изобразительное «слово» наравне с лексикой служит важным источником информации о духовном бытии народа как в форме самовыражения этнической культуры, так и в форме «рассказа» об иноэтничной культуре. Одним из значимых пространств в территории «памяти» поколений народов, исторически представляющих различные государства, можно назвать пространство Амура, Сахалина и прилегающих морских вод. Отношения товарообмена между представителями этнических общностей способствовали поиску и освоению путей передвижения. А сам путь и территория вокруг него становились «освоенным» пространством не только для тех, кто следовал маршрутом товарообмена, но и для всего этнического сообщества, представителем которого выступал непосредственный товарообменщик. Пути товарообмена, в которых участвует предмет народного искусства, ныне не имеют временных и пространственных границ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: тунгусо-маньчжуры, уильта, уильта, орочены, Амур, Сахалин, Хоккайдо

УДК [741+77.04]:39(571.6)

DOI 10.31250/2618-8619-2018-2-176-183

МИССОНОВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА — к.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Россия, Москва)

E-mail: missmila@jea.ras.ru

Ярким источником образа жизни народа может служить лексика его языка. Рассматривая доступный для исследования объем слов, в данном случае уильтинского и иных тунгусо-маньчжурских языков, обратим внимание, что основополагающие понятия характеризуют прежде всего пространственные категории и относятся к действительному состоянию человека, выражающему практически все основные категории бытия: быть, родиться, дышать, плакать, сосать, пить, есть, передвигаться, идти по снегу, дойти, ползти, израсходовать, почувствовать, толкать, бить, овдоветь, умереть, превратиться, прекратить, привыкнуть и др. (СС ТМЯ 1975: 1, 20 и др.; Титов 1926; Невский). Крайне важными (сакральными) категориями воспринимаются конечности животного — рог, копыто. Эти категории имеют яркую эмоциональную окраску и свидетельствуют о жизненных ценностях в процессе передвижения тунгусских кочевников.¹

С активными формами движения тесно связана и система отношений товарообмена. С XVIII — начала XIX в. между Китаем, Россией и Японией интенсивно развивается торговый обмен, в котором непосредственно задействованы товары прежде всего китайцев, маньчжуров, всех народов Нижнего Амура, Сахалина и японцев (Сиратори Куракити 1997; Описание Амурской области... 1894; Материалы к описанию Хинганской экспедиции... 1894). Туземные рынки и иные отношения обмена наглядно отражены в искусстве, посредством которого передается и динамика движения, и его эмоциональная окраска. Сохранившиеся рисунки служат эмоциональным источником своей эпохи. Те же активные формы движения с сильной эмоциональностью фиксируются и ныне в художественных картинах (народных промыслах) этих народов. Но теперь уже часто сами эти картины становятся предметом обмена и торговли на фестивалях, ярмарках и т. п.²

В центре внимания нашего исследования — искусство тунгусо-маньчжурских народов Дальнего Востока (на примере уильта и эвенков Сахалина). Обращение к теме искусства не перестает быть актуальным (Иванов 1927; 1932; 1949; 1954; 1963 и др.). Изобразительное «слово» наравне с лексикой служит важным источником информации о духовном бытии народа как в форме самовыражения этнической культуры, так и в форме «рассказа» об иноэтничной культуре. Рассмотрим некоторые из емкого множества граней народного искусства: от искусства как эмоционального источника информации о движении и торгово-обменных отношений до искусства как предмета товара (на Дальнем Востоке).³

В числе разных функций изобразительного искусства в XVIII–XIX вв. именно рисунок становится средством отображения образа жизни в целом, в частности торгово-обменных отношений как части жизнеобеспечения общества. Описания рисунком, как и словом, выражают и сохраняют разновременную информацию о личностях, ситуациях и происходивших процессах.

Обратимся сначала к письменному источнику — книге «Путешествие в Восточной Тартарии», написанной в 1810 г. (опубликованной на японском языке в 1938 г. недалеко от Порт-Артура, в городе Дайрен; это японское название, изначально русские именовали город Дальний, ныне — Дальянь) японским разведчиком и путешественником Мамия Риндзо (Мамия 1938; во вклейке представлена карта путешествия). В 1809 г. он совершил свое второе путешествие от торгового пункта

¹ Это лишний раз подтверждает важность изучения антропологии движения, в которой А. В. Головинёв сделал много ключевых открытий (Головинёв 2009 и др.).

² См. материалы японского автора Сиратори Куракити, работавшего с китайскими источниками «О Сахалине в китайскую эпоху Тан» (с X в.) и описывающего маршрут возможного торгового пути кораблей по попутным течениям и ветрам: из залива Ханчжоувань через воды Восточно-Китайского моря и Корейского пролива до Японского моря и устья Амура, обратно — через Цусимский пролив, а также артефакты культуры коренных народов Сахалина в краеведческих музеях пгт. Ноглики, г. Поронайска.

³ Материалы для исследования по теме частично были собраны в рамках гранта РФФИ, проект № 15-06-99451 «Геоинформационное картографирование денежного обмена среди коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (рук. Н. В. Ссорин-Чайков).

Со́я (мыс острова Хоккайдо, где жили айны) по айным стойбищам на западном побережье Сахалина (первое путешествие было в 1808 г. по восточному побережью Сахалина до залива Терпения) к мысу Крильон, далее от мыса Тык, где было расположено нивхское стойбище, перебрался с местными жителями через «Тартарский пролив» (так гласит источник, ныне — пролив Невельского; японцы называют пролив Мамия) от острова к материку до бухты Таба (ныне — Якорная), затем волоком, по реке М. Таба, через озеро Киджи (по-русски — Кизи) вошел в Амур. Мамия Риндзо в местности озера Киджи (бывший торговый центр маньчжуров, ныне Кизи) описывает ульчей (как сантан) (об этом см.: Мамия 1938: 25–26; Сакаки 2008). Далее по Амуру он добрался до поста Дерен/Дэрэн (административного пункта в Маньчжурии), где была крупная маньчжурская ярмарка,⁴ там встретился с маньчжурскими чиновниками, потом спустился по Амуру до устья реки и через пролив вернулся на мыс Тык, далее через стойбища айнов вдоль западного побережья Сахалина — в Сою. Он пишет, что туземное население Амура и Карафутто (ныне Южный Сахалин) платило дань маньчжурам, но не постоянно.

Посты маньчжуров представляли собой небольшие форты, обнесенные частоколом, где чиновники принимали пушнину. Здесь же после ритуала уплаты дани (налога) совершались торгово-обменные сделки, как правило, в виде натурального обмена: взамен соболя или другого меха туземцы получали от маньчжуров шелковые или хлопчатобумажные ткани, которые очень высоко ценились (иногда чиновники пытались обмануть и меняли на пушнину свою одежду). Часто сделки совершались по форме «дар — отдар». В книге Мамия Риндзо есть подробное подтверждение информации на документальных рисунках путешествия: «Лодки идут по Амуру» (Мамия 1938: между с. 28 и 29). «Дэрэн» (план места проведения ярмарки) (Мамия 1938: между с. 28 и 29), «Плата дани» (нанец приносит дань в виде соболя маньчжурским чиновникам (Мамия 1938: между с. 28 и 29), «Торговый обмен одежды на мех», «Шум ярмарки (сцены товарообмена)» (Мамия 1938: между с. 44 и 45), «Лодка маньчжурского чиновника» (Мамия 1938: между с. 46 и 47), «Мамия Риндзо с чиновниками» (Мамия 1938: между с. 48 и 49), «Рыболовство сантан на р. Амур» (Мамия 1938: между с. 56 и 57) и др. Если обратиться к материалам «большого научного путешествия» Р. Маака (Мичи 1868: 304, 297), то обращает на себя внимание рисунок, сделанный во время его экспедиции, когда он добрался до описанного места ярмарки в местности «Дере» на Амуре. Этот рисунок доказывает, что вряд ли именно в этом месте могла проходить ярмарка (сам Р. Маак также усомнился в этом).⁵

В начале XX в. на смену художественному рисунку в жизнь коренных народов приходит фотография. Первые фотографии японской фотомастерской Ханзава Чу служат источником материалов о жизни туземного населения Южного Сахалина (периода Карафутто, с 1905 по 1945 г.). Зачастую они фиксируют ритуальные (сакральные) стороны бытия. При этом, будучи сувениром в виде открыток,⁶ эти снимки сами становятся активным предметом товарооборота.

В XX–XXI вв. изобразительное искусство народа становится товаром, и его цена постоянно возрастает, особенно стремительно в постсоветский период, с тех пор как во всевозможных соци-

⁴ Отметим, что близкое по смыслу названию *Дэрэн* слово можно найти, к примеру, в нанайском языке: *дэрги* — «трещать, шуметь» (слово с аналогичным значением есть и в эвенкийском, эвенском, негидальском и маньчжурском языках) (СС ТМЯ 1975: 208).

⁵ Фактическое месторасположение ярмарки Дэрэн и многочисленные варианты его названия выходят за пределы темы статьи, эти проблемные вопросы подробно рассматриваются автором данной работы в статье «Трансграничные островной и материковой культуры товарообмена на Дальнем Востоке: экспедиция Мамия Риндзо на Амурскую ярмарку в Дэрэне (к вопросу о геоинформационном картографировании)», публикуемой в периодическом издании «Этнографические записки Сахалинского областного краеведческого музея» (2018. № 2. С. 72–92).

⁶ Открытки Карафутто (Южный Сахалин): «Быт и нравы народов (племен) Орокко и Гирияку в местности Тарайка на Карафутто». Фото Ханзава Чу. Архив Хокутосёкан («Северной Библиотеки») Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония). Кол. W(b)62. № 0802765000-0000-002. Также см.: Hanzawa Chu. «Orokko no buraku» — фото Ханзава Чу 1927–1942 гг. Г. Сиска. Музей Ширетокто (Shiretoko Museum). Фотоархив. Shiretoko (Shari-town), Hokkaido. Japan.

альных программах заявлена задача возрождения культуры коренных малочисленных народов Севера. Как и прежние формы изображений, художественные работы современных тунгусских авторов содержат бытовые сцены или иллюстрации страниц фольклора, которые также являются востребованным товаром. Цена народного искусства увеличивается, при этом передача его эмоциональности и характерности имеет свой язык традиций, язык эмоций. Что является главным (образующим) элементом искусства независимо от времени его создания?

Особенно часто (и это, безусловно, логично) эмоциональность в рисунках передается движением. Значимой основой народного рисунка, графического изображения, картины из рыбьей кожи, художественного сюжетного вырезания из бумаги (без предварительно нанесенных контуров рисунка) служит определенное движение. Такое изобразительное искусство, передающее информацию о быте и духовном мире народа (в прошлом — кочевника), задуманное и выполненное представителями коренных народов, активно входит в современные товарообменные отношения. Именно движение можно назвать языком изображения эмоций.

Распространены также изображения средств передвижения (играющих большую роль в товарообменных отношениях в различные исторические эпохи):

— к примеру, туземные лодки на японских открытках (= фотографиях) периода Карафутто (первая половина XX в., Южный Сахалин);

— на фото середины XX в. запечатлено, как местный житель Южного Сахалина предлагает купить модель лодки, которую он сделал в качестве сувенира;

— вышеназванное фотографическое изображение (и иные подобные) само по себе является предметом товарообменных отношений;

— исполнение моделей лодок, как, впрочем, и самих национальных лодок, сейчас также практикуется на Сахалине как заказ краеведческих музеев у коренного народного умельца.

Одним из самых значимых явлений, которое вызывает естественные эмоциональные чувства, можно назвать солнце. Лексика всех тунгусо-маньчжурских народов четко отражает важность восприятия светила. Примеры из известного двухтомного Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков под ред. В. И. Цинциус демонстрируют обращение к солнцу и востоку как стороне «выхода солнца» (досл.) (СС ТМЯ 1977: 78).

Таким образом, основой языка эмоций является движение. Но какие движения оказываются главными, значимыми? Куда направлены и кто воплощает эти движения?

Очевидно, в изобразительном искусстве ярко выражено логичное стремление навстречу с солнцем — жизненно важное движение на восток, к стороне восхода солнца. К теме рассвета все чаще обращаются современные художники, представляющие культуру коренных народов. При этом необходимо обратить внимание, что восприятие самих сторон света отличается у тунгусских народов: юг и восток зачастую неразрывны в сакральном пространстве и обращены туда, откуда приходит солнечный свет и тепло. Подтверждение этому можно найти в лексике этих народов. Кроме того, солнечное тепло стоит в одном лексическом ряду с огнем, костром и очагом (СС ТМЯ 1975: 145; 1977: 190). Изображения женщины, очага и оленей составляют сюжетную основу многих изображений. Это естественно, так как восход солнца, женщина и оленеводство в культуре тунгусского населения Амура и Сахалина являют собой начало и продолжение жизненного цикла. Потомок оленеводческой семьи на подсознательном уровне изображает в XXI в. оленей, обращенных своим движением на восток.

Из этого ряда явно выделяется изображение медведя. Обратимся к тунгусо-маньчжурской лексике, например, в негидальском языке находим понятие «просить гостей обходить против солнца с

головой медведя» (во время ритуального медвежьего праздника) (СС ТМЯ 1975: 226). Движение медведя и в современном искусстве зачастую изображается в противоположную от востока сторону. Образно говоря, оно направлено в сторону заката солнца. В свою очередь, закат связан с чудовищем, которой похищает солнце и тепло, заход солнца ассоциируется с мифической рекой, которая находится в мире мертвых (СС ТМЯ 1975: 98, 355; 1977: 49).

Ритуал танца огня очень важен в жизненном цикле тунгусских народов. Его изображение находим в культуре коренного населения Сахалина разных исторических периодов. Движение этого танца по кругу также всегда идет сначала к востоку или юго-востоку, против часовой стрелки, так же как происходит, например, Крестный ход вокруг православного храма.

Подобный обряд видим на фрагменте керамического сосуда VIII–X вв. н. э. (керамический сосуд — 1⁷) с изображением танцующих женщин с уильтинскими погремушками *ёдопу*. На археологической сахалинской находке X–XIII вв. н. э. — фрагменте венчика керамического сосуда — также изображены танцующие в хороводе девушки (керамический сосуд — 2⁸). Для сравнения можно обратиться к сценам танца и обращения к огню и солнцу в художественном изображении в начале нашего века. Характерно, что представители народа практически на подсознательном уровне продолжают традицию изображения ритуального танца, прочно сохраняя память поколений при передаче кода этнической культуры, этнической идентичности.

Хороводные танцы существуют у различных тунгусоязычных народов, известны специальные названия таких танцев с пением у эвенков — *норгали*, у эвенков есть отдельное словосочетание — *витринэ́зу би* — «быть окруженным в хороводе» (СС ТМЯ 1975: 606–607, 131), а также песни-импровизации и певцы-импровизаторы во время хороводных танцев — *һэуэн* и *һэуэлуэн* (СС ТМЯ 1977: 360). Подобный ритуальный танец уйльта (ороков) в Поронайском районе зафиксирован на открытке Ханзава Чу, сделанной в период Карафутто (Тамануки 1944: 432). Логично, что танец огня (= очага) был именно женским (ПМА 2008).

Танец огня продолжает жизнь в XXI в. и в уильтинском ансамбле поселка Вал Ногликского района: исполнение танца огня на презентации первого уильтинского букваря, изданного в XXI в., стало показателем важнейшего события в жизни народа (Южно-Сахалинск, 2008). Это образительное и обрядовое танцевальное искусство играет значимую роль в проявлении и формировании этнической идентичности в разные века. Символическое круговое движение женского танца можно увидеть на многих работах современных уильтинских мастериц. Характерно, что предметы с изображением (или для) ритуального танца — керамика VIII–XIII вв., открытки первой половины XX в., картины современных национальных мастеров и др. — неизменно участвуют в торгово-обменных отношениях разновременных сообществ исследуемого региона (ПМА 2008).

Обмен товарами на Дальнем Востоке всегда причастен к дальнему путешествию. При этом сакральное (освоенное) пространство воды и суши (материка и острова) воспринималось и воспринимается единым. По материалам полевых исследований и японским источникам, постоянной движущей силой в создании сезонных ежегодных путей, ведущих к местам товарообмена, были ярмарки. По данным тунгусо-маньчжурского словаря, слова, обозначающие «силу (производящую)» и «путь», знаменуют начало словарной базы тунгусо-маньчжурских языков (СС ТМЯ 1975: 1, 20). Движение тунгусо-маньчжурских этнических общностей в процессе освоения жизненно

⁷ Обнаружен на памятнике Промысловое-2 на южном берегу озера Невского в Сахалинской области С. В. Горбуновым. Хранится в Поронайском краеведческом музее, кол. № 429-1500.

⁸ Найден на стоянке Верхняя Санносава (поселок Третья Падь) — 1 в Корсаковском районе Сахалинской области, подъемные сборы А. А. Василевского, 1991 г. Представлен в экспозиции археологического музея Сахалинского государственного университета, кол. № 158-32.

важного пространства распространилось по огромной территории речных артерий Дальнего Востока (например, расстояние из Николаевска-на-Амуре до Благовещенска преодолевалось туземными жителями на оленях не более чем за 20 дней, см.: Описание Амурской области... 1894).

Если обратиться к современному кругу товарообменных отношений в изучаемой области, получается такая схема. Национальный рисунок (со сценами оленеводческой жизни) возникает на оленеводческой стоянке, например в зоне лесотундры Ногликского (или соседнего Охинского) района Сахалина как проявление эмоциональных чувств во время досуга или специально по заказу. Далее эти изобразительные творения родственники (или заезжие специалисты) перевозят на оленях или буранах до крупной шоссейной дороги, по которой путь лежит в поселки Вал и Ноглики. Дальнейшая их жизнь протекает по-разному. Возможно довольно долгое лежание в домах у родственников в поселке, но возможна и их скорая продажа в местные краеведческие сахалинские музеи — от районного до областного. Бывают и частные музеи, например в поселке Вал такой музей много лет пытался создать бывший директор советского совхоза «Оленевод». На этом жизнь предмета искусства не заканчивается, так как бывают различные выставки, эти произведения попадают, например, в Японию, где они также могут быть проданы или подарены, в основном исследователям или музеям, имеющим экспозиции о коренных народах. Подарок (или покупка) может быть осуществлен, например японскими специалистами, непосредственно в поселках.

Таким образом, пути товарообмена, в котором участвует предмет народного искусства, ныне не имеют временных и пространственных преград.

Как и пару веков назад, одним из значимых пространств в территории «памяти» поколений народов, исторически представляющих различные государства, можно назвать пространство Амура, Сахалина и прилегающих морских вод (Краеведческий бюллетень 1997). В этом социально-культурном ареале концентрировался и успешно функционировал клубок пересечений маршрутов. Отношения товарообмена между представителями этнических общностей способствовали поиску и освоению путей передвижения. А сам путь и территория вокруг него становились освоенным (ведомым) пространством не только для тех, кто совершал путь товарообмена, но и для всего этнического сообщества, представителем которого выступал непосредственный товарообменщик.

Готовилось к таким ярмаркам и ожидало ее результата все сообщество. Предметы, вырученные в результате торгового обмена, зачастую использовались в качестве культовых, как в ежедневном ношении, так и для совершения жизненно важных обрядов. Очевидно, что пространство торговых путей отражало сопостранственность интересов различных культур. А удаленность для кочевых народов никак не служила (и не служит по сей день) основанием ограниченности в отношениях обмена. Напротив, она побуждает к освоению больших пространств. В результате длительных вековых ярмарочных отношений в традиционную культуру проникают и прочно обосновываются там элементы далеко не соседних культур. Торговые пути на Дальнем Востоке служат вековыми «кодами» памяти пространства, в котором происходит распространение этнических культур.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА 2008. Платье уйльта, канонически шитое национальным художником Вероникой Осиповой в XXI в., было куплено и помещено в экспозицию краеведческого музея в пгт. Ноглики.

Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.

Иванов С. В. К вопросу об изучении народного изобразительного искусства в СССР // Сборник этнографических материалов. Л., 1927. № 2. С. 53–70.

- Иванов С. В.* Искусство в родовом обществе // Первобытное общество. М., 1932. С. 216–234.
- Иванов С. В.* Реалистические основы искусства тунгусо-маньчжуров // КСИЭ. М.; Л., 1949. Вып. 5. С. 86–90.
- Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. М.; Л., 1954. (ТИЭ. Т. 22).
- Иванов С. В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л., 1963. (ТИЭ. Новая серия. Т. 81).
- Материалы к описанию Хинганской экспедиции Полковника [Д. В.] Путяты. Дневник члена экспедиции Л. И. Бородовского // Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1894. Т. 3: Отчетная карта к дневнику Л. И. Бородовского.
- Мичи А.* Путешествие по Амуру и Восточной Сибири. С прибавлением статей из путешествий Г. Радде и Р. Маака и др. СПб.; М., 1868.
- Невский Н. Н.* Чжурчжэньский словарь (с рус. транскрипцией). Рукопись // Библиотека Университета Тенри (префектура Нара. Япония). Архив Н. Н. Невского. № 829.53. Тетрадь.
- Описание Амурской области (с картой). Составлено Г. Е. Грумь-Гржимайло [по поручению Г. Министра Финансов]. Под ред. П. П. Семёнова. СПб., 1894.
- Риндзо Мамия.* То: дацукико: (Путешествие в Восточной Тартарии). Дайрен: Южно-Маньчжурская железнодорожная компания, 1938 (написано в 1810 г., издано в Китае на яп. яз.). Кн. 1–2. (Архив Библиотеки Национального музея этнологии MINPACU. № 16|103; XXI. 292.92|414. Осака, Япония). С. 25–57.⁹
- Сиратори Куракити.* О Сахалине в китайскую эпоху Тан // Краеведческий бюллетень. 1997. № 2. С. 3–78.
- Сасаки Сиро.* Межэтнические браки коренных народов Нижнего Амура и Сахалина // Россия и АТР. 2008. № 2. С. 64–74.
- СС ТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю. Л., 1975. Т. 1; 1977. Т. 2.
- Тамануки К.* Карафуту Хакубуцуси (Естественная история Карафуту). Токио, 1944 (на яп. яз.).
- Титов Е. И.* Тунгусско-русский словарь: экспедиция по изучению оленных и оседлых тунгусов в Забайкалье. Иркутск, 1926.

⁹ Перевод с японского на русский язык используемого текста Мамия Риндзо был сделан профессором МИНПАКУ Сиро Сасаки в октябре 2008 г. во время моей работы в библиотеке музея, за что приношу ему свою искреннюю благодарность.

**VISUAL ART AS A SOURCE FOR RECONSTRUCTING TRADE
AND EXCHANGE RELATIONS OF THE PEOPLES OF THE FAR EAST
(EIGHTEENTH–TWENTY FIRST CENTRIES)**

A B S T R A C T. The article deals with the art of Manchu-Tungus peoples of the Far East (with special regard to Uilta and Evenks of Sakhalin) which is viewed as an emotional source of data on their mobility and barter relations and as a commodity itself. Starting from the eighteenth — early nineteenth century trade exchange among China, Russia and Japan developed rapidly and involved the peoples of the Lower Amur and Sakhalin, as well as the Japanese, Chinese and Manchus. Local markets and other exchange relations reflected in art works. A visual “word”, along with actual vocabulary, is able to tell us much about the spiritual being of a people, be it in the form of the ethnic culture’s self-expression or that of a “narrative” on a foreign one. Some of the significant spaces for the “memory” of generations of peoples historically related to different states appear to be the areas of Amur, Sakhalin and the adjacent marine waters. Trade relations among different ethnic groups in this region encouraged the opening and development of transportation routes. A route itself and the nearby territories became a familiar space not only for those who travelled and traded along it, but for the whole ethnic community the traders belonged to. Thus the trade routes which a piece of folk art followed do not seem to have temporal or spatial limits.

KEYWORDS: peoples of the Lower Amur, Sakhalin, Japanese, Manchus, Tungus, Uilta

LIUDMILA I. MISSONOVA — Candidate of Historical Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

E-mail: missmila@iea.ras.ru